ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Тхостов А.Ш., Емелин В.А.

Темпоральные модели идентичности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект №11–06-00257а

Обсуждаются динамические варианты процессов идентификации. На модели нормальных и патологических вариантов идентификации выделяется три основных формы возможного временного вектора: постфигуративный, кофигуративный и префигуративный. Описываются их возможные сочетания, пересечения и принципиальные ограничения.

Ключевые слова: *модели идентификации, идентичность, нарушения идентификации.*

Реализация индивидуальной самоидентификации человека помимо возможности выбора определенных моделей поведения, социальных и гендерных групп, принадлежности к ценностям тех или иных формальных и неформальных культурных или субкультурных объединений [7, 17] должна включать в себя осознанную или бессознательную временную и динамическую характеристику этого выбора. Откуда берутся модели для идентификации: из прошлого, будущего или настоящего? Каково направление их развития: в прошлое, в будущее или временная динамика вообще не предусматривается? Меняется ли эта направленность с течением времени? Эта динамическая характеристика крайне редко обсуждается в работах, посвященных проблематике самоидентификации [22], хотя представляет собой одно из важнейших качеств этого выбора, обеспечивающих его убедительность, устойчивость, легитимность и внутреннюю непротиворечивость. Темпоральные факторы идентификации обсуждаются в основном в рамках проблемы нарративной идентификации, ее временной связанности, возможных траекторий, перспектив, целей и выборов [15, 16, 18–21, 23, 24], либо в контексте идентификации в условиях нестабильности, неопределенности и трансформации общества [1, 10, 9, 13]. При этом, как нам кажется, именно динамическая и векторная характеристики выбора направления вектора темпоральной модели идентичности остаются не достаточно осмысленными, хотя и являются принципиальными как для ее содержания, так и структуры.

Близкую к предлагаемому нами подходу конструкцию использовала Маргарет Мид в рамках концепции межпоколенческих отношений и механизмов передачи культуры. Связывая отношения между поколениями с темпом общественного развития и господствующим типом семейной организации, М. Мид различала три

типа культур: постфигуративную, где дети, прежде всего, учатся у своих предков; кофигуративную, где и дети и взрослые учатся у сверстников; и префигуративную, в которой взрослые учатся также у своих детей [6]. Хотя М. Мид не говорит прямо о том, что тот или иной тип культуры детерминирует возможности и способы идентификации конкретного представителя этой культуры, ее модель при некоторых дополнениях вполне позволяет это сделать.

Если предельно упростить теорию, то ее можно по аналогии с семьей связать с ключевыми фигурами для каждого типа культуры. В постфигуративной образцом социокультурной идентичности служили деды, отцы, в кофигуративной генераторами доминирующей типа идентичности становятся сверстники, а в префигуративной – некоторые достаточно абстрактные идеи.

Выбор векторной направленности может определяться множеством факторов: скоростью развития реальных изменений, необходимостью (неизбежностью) адаптации к ним, но с психологической точки зрения он должен основываться также и на интрасубъектном переживании «истинности» и «правильности» данного выбора. Именно это переживание обеспечивает субъективную убедительность ответа на вопрос о том, насколько человек способен персонализировать картину мира и найти в ней свое место, то есть идентифицировать себя, ответив на вопросы: откуда я, кто я, и куда иду? Абстрагируя ситуацию идентификации, мы пренебрежем в данном случае сиюминутностью выбора, который может диктоваться слабостью или, напротив, силой, конкретной ситуацией, личными связями, выгодой и пр. Рассмотрим ее с аксиологической точки зрения.

Первая точка бифуркации связана с отношением к прогрессу. Традиционалистская – исходит из имплицитного представления о неком существовавшем в истории человечества «золотом веке», идея которого восходит к древним мифам о первоначальном благоденствии, об утраченном человечеством рае, и поэтому любые изменения, если они противоречат былому порядку, есть зло, неодолимо уносящее нас от этих лучших времен. Ясно одно: с удалением от золотого века идет смена поколений, регрессирующих от золота к серебру, меди и, наконец, к железу [4]. Альтернативная (прогрессистская) позиция состоит в том, что не менее «золотой» и радужный век локализован не в прошлом, а в будущем. Аргументы, используемые сторонниками обеих точек зрения, в принципе, мало различимы. Речь идет лишь о том, где на оси времени должна быть размещена эта «эра благоденствия». Реально аргументы традиционалистской и прогрессистской точек зрения трудно доказуемы, ибо они размещают идеальное время в практически не верифицируемом хронотопе. Если говорить о прошлом, то оно локализуется в настолько субъективно далеком времени, что любая попытка оспорить, рассматриваемая как покушение на заветы предков, реально не верифицируема. Для сторонников дислокации счастья в будущем задача еще больше облегчается, ибо его отсутствие не является достаточным аргументом, можно всегда полагать, истинного будущего мы еще не достигли, подобно тому, как Ахиллес не может догнать черепаху.

Эта бинарная оппозиция позиционирования золотого века, в принципе, может быть дополнена идеей о том, что он находится именно в настоящем. Однако, сторонников того, что земной рай принадлежит настоящему, значительно меньше, поскольку, во-первых, исходя из обыденного опыта и элементарного здравого смысла, нельзя сказать, что людей, удовлетворенных настоящим может быть очень много, а во вторых, такой взгляд лишает человечество желания что-либо изменять в существующем мире, ибо любые изменения будут нести с собой ухудшение положения вещей.

Если в качестве такой модели избирается прошлое, будь оно сколь угодно мифологизировано, оно обладает принципиальными для эффективной идентичности качествами устойчивости и проверенности временем: наши великие предки «владели миром», «создали всю культуру» и пр. Модель для идентификации уже создана, самое большее, что требуется от человека, выбравшего ее – это максимальная последовательность и строгость соблюдения устоявшихся правил. Префигуративная модель часто обладает преимуществом индивидуальной привлекательности нашего собственного детства, которое совсем не всегда было невыносимым. Инфантильное чувство защищенности, низкой индивидуальной ответственности придают ему качества «индивидуального рая», в который хочется вернуться. «Вишневый сад», «Обломовка» – точные литературные аналоги идеализированного отношения к прошлому [5, 11]. Это относительно комфортная модель опирается, прежде всего, на наиболее пожилую часть населения, поскольку в соответствии с ее логикой, чем старше человек, тем большей ценностью он обладает, а каждый молодой, если и не доволен своим настоящим, имеет возможность получить свои преимущества в будущем, когда состарится.

Правда абстрактная очевидность и привлекательность префигуративной модели осложняются при ее конкретной реализации. Если она списывается с собственной семейной истории, то все остается более или менее понятным, если же речь идет о национальной или культурной истории, то возникает ряд не проясненных моментов. В этом случае остается вопрос о том, какой именно конкретной временной модели необходимо следовать? История ведь тоже динамична, если, например, говорить о русской истории, то неясно, что необходимо выбрать в качестве правильной точки отсчета: языческий или христианский период, Киевскую Русь, Владимиро-Суздальское или Московское княжество, допетровское или послепетровское время, дореволюционную или послереволюционную Россию? Выбор префигуративной модели идентификации обычно требует реконструкции (или мифологизации) истории и создания пантеона героев, с которыми без излишних «проклятых» вопросов можно себя идентифицировать. Реальность рассматриваемых событий в этом случае не принципиальна. Некоторым культурам достаточно повезло, они располагают артефактами, апологизирующими их историю, другим же, менее удачливым, приходится их выдумывать, фальсифицировать, изощряясь в акробатической аргументации причастности к «героическим деяниям». Логика идентификации зачастую основывается на заведомо ложных посылках, а так как

изо лжи может следовать все что угодно, то процесс идентификации будет осуществляться безупречно, но результат оказывается эфемерным и хрупким. С целью подтверждения первенства той или иной модели идентификации, выбранной или возникшей в тех или иных условиях настоящего, вся предшествующая история может быть в одночасье переписана или проинтерпретирована настолько разнообразно, что порою проще ответить на вопрос: «Была ли жизнь на Марсе?», чем найти ориентиры в прошлом и установить с ним связь, особенно если всякая истина о нем либо исключена, либо искажена в потоках циркулирующей информации. «Вся наша реальность, в том числе и трагические события прошлого, была пропущена через средства массовой информации» [3, с. 134].

Вторым уязвимым моментом префигуративной модели является неявное допущение ее привлекательности для всех членов общества, хотя если идентифицировать себя, например, с дореформенной Россией, нужно решить вопрос выбора: а с кем, собственно, мы собираемся идентифицироваться – с крепостными или помещиками? Эта модель остается устойчивой с обществах с субъективной приемлемостью и ощущением справедливости существования страт, каст или классов. При разрушении этого ощущения отсутствие или недостаточность социальных лифтов, позволяющих перемещаться внутри самой префигуративной модели, становится источником революций или реформ, ставящих под сомнение само ее существование. Это родовое несовершенство префигуративной модели: ставя неизменность в основу своего функционирования, она автоматически порождает количество лиц, недовольных своим местом в этой неизменности и стремящихся ее реформировать. В устойчивом виде она существует в редких культурных изолятах, имеющих возможность минимизировать свою связь с меняющимся миром.

Чаще же речь идет о динамическом варианте, который можно было бы назвать «вперед в прошлое». Префигуративная модель идентичности актуализируется в ситуации утраты ориентиров настоящего и тревоги в отношении неясного будущего. В этой ситуации возникает всплеск традиционализма, поскольку именно префигуративная модель воспринимается обыденным сознанием как наиболее безопасная. В постсоветской России резко возросла роль церкви, колоссальным успехом стали пользоваться различные «дворянские собрания», «исторические» переименования улиц, площадей, использование дореволюционной орфографии и стилистики в оформлении различных наименований в жанре «России, которую мы потеряли». Даже на самых эмблематичных местах, таких как Кремль или Большой театр, восстановлена дореволюционная атрибутика. Ситуацию это мало изменило, но давало ощущение заполненного вакуума идентификации и некого развития «вспять» или переписывания не вполне приемлемого отрезка истории.

В современном обществе достаточно трудно найти абсолютно непротиворечивую модель темпоральной идентификации. Чаще мы имеем дело с «фрагментарным» или «смешанными» векторами направлений поиска самоидентичности. Переходя к реальным процессам идентификации, можно столкнуться со случаями парадоксального смешения моделей прошлого, настоящего и будущего,

в которых субъективно непротиворечиво сочетаются формально логически несовместимые ориентиры. Традиционалистская ориентация на уровне практической реализации может использовать самые совершенные технологии ее воплощения или подтверждения. Так, можно привести примеры использования наиболее современных технологий, таких как радиоуглеродный метод, применяемых для документирования артефактов, которые должны верифицировать соответствие мифологической истории реальной, примерами здесь могут послужить Туринская плащаница, берестяные грамоты, мумии и т.п.

Другой иллюстрацией амбивалентного взаимопроникновения моделей идентичностей прошлого и будущего является новый всплеск распространения в странах с доминирующей исламской культурой идеологии, направленной на утверждение фундаменталистских идеалов, основанной на незыблемости традиций прошлого и полного ограждения от инородных культурных влияний. Казалось бы, в чем тут противоречие – народы традиционного Востока не хотят, менять свой образ жизни и мысли, несмотря на влияние модернизма культуры западного типа. Но не все так однозначно – в среду восточной культуры уже достаточно глубоко проникли технологии, продуцированные в условиях другой темпоральной модели идентичности, ориентированной на будущее, и по своей сути чуждые и даже вредные для фундированных на прошлом форм идентификации. Так в свое время бедуины были снабжены автоматами Калашникова, а талибы финансово и технически поддерживались известными сторонами холодной войны. Сегодня технологически развившийся мир Запада поделился с Востоком интернетом, оснастил его мобильной связью, научил стоить самые высокие в мире небоскребы, и все это в надежде на достижение технологического, а затем и идеологического консенсуса. Европейцы создали новую среду для достаточно и продолжительно идентичных народов, при этом, не всегда понимая, что любое привнесенное улучшение вторгается в целостность их бытия. Автомобили, автоматы, технологии «мирного» атома, ракеты «Стингер», компьютеры, сотовые телефоны, а затем и интернет сделали то, что либеральная Европа и не могла предположить.

К этому еще необходимо добавить факт, что ряд наиболее влиятельных на сегодня исламских стран обязаны своему неожиданному развитию, как не парадоксально бы не звучало это утверждение, самой западной цивилизации, снабдившей третий мир финансовыми ресурсами, современным оружием и новейшими технологиями. Ориентированное на постоянный рост производства развитое индустриальное общество требовало все больше энергетических ресурсов, которые были найдены в, по сути, остававшимися на уровне средневекового развития странах Ближнего Востока. Нефть дала колыбели Ислама невиданные деньги, и как раз вовремя. Неожиданно став энергетическими донорами западного мира ряд государств одновременно оказались генераторами сил, ориентированных на утверждение на новом качественном уровне модели идентичности, основанной на прошлом фундаменталистской модели. Возникла среда, в условиях которой генерируются полностью идентичные, не имеющих никаких сомнений в своей правоте люди,

способные ради сохранения своих случайно обретенных привилегий, воспользовавшись неожиданно полученными технологиями, уничтожить их же вскормившее бесконечно испытывающее кризис идентичности западное общество. В этой связи можно вспомнить слова М. Мид – «отсутствие сомнений и отсутствие осознанности – представляются ключевыми для сохранения любой постфигуративной культуры. Частота, с которой постфигуратирные стили культур восстанавливаются после периодов мятежей и революций, осознанно направленных против них, указывает, что эта форма культуры остается, по крайней мере, частично, столь же доступной современному человеку, как и его предкам тысячи лет тому назад» [6]. В данном случае речь идет о том что, не смотря на революционное по своему духу и масштабу влияние западного мира, исламская культура в своих радикальных, фундаменталистских направлениях не только не теряет, но и укрепляет свою постфигуративность, активно используя все преимущества технологий, полученных от префигуративной культуры.

Кофигуративная культура связана по М. Мид с ситуацией быстрых изменений, когда опыт предков не может служить моделью для подражания, и она заменяется ориентаций на сверстников. В нашем понимании кофигуративная модель идентификации – это ситуация, когда настоящее необходимо законсервировать. Родовая слабость этой модели в том, что настоящее в полном смысле возможно лишь как достаточно краткий момент, динамически его не существует, и оно неумолимо сдвигается либо в прошлое, либо должно специальным образом поддерживаться в будущем. В норме кофигуративная идентичность свойственна подросткам, ориентация которых на свой субкультурный круг позволяет им ощущать взаимную поддержку в отношении мира взрослых, обеспечивая чувство коллективной безопасности и уважения к их ценностям при столкновении с миром взрослых [2]. Хотя подростковый период быстро заканчивается, в патологической форме такая форма идентичности может обернуться нежеланием взросления, вечным отрочеством или даже вечным детством с его атрибутами в виде стремления к соблюдению молодежной моды, принципиальной инфантильности, ухода от включения в нормальную социализацию через исполнение бардовской песни, нескончаемых игр, синдрома Питера Пена, феномена «кидалтов» – взрослых детей, желающих получать преимущества взрослых без их ответственности.

Одним из вариантов такой идентичности можно рассматривать гедонизм, с его стремлением ставить удовольствие настоящего над необходимостью отказываться от сиюминутных наслаждений ради неясного будущего или неинтересного прошлого: «остановись мгновенье, ты прекрасно». Такого рода идентификация была свойственна эпохе «хиппи» 60-х гг., суть мировоззрения которых сводилась к отрицанию буржуазных ценностей предыдущих эпох, отказу от их воспроизведения в будущем и фиксации на лакунарной форме идентификации в настоящем. Хиппи не хотели вписываться в современное общество, создавая себе в нем своеобразный изолят со своими ценностями и субкультурой, которая их вполне удовлетворяла. Подлинным переживанием объявлялось только непосредственно существующее

в данном изоляте, однако естественное течение времени привело к размыванию этой ценности. Психологическая ловушка кофигуративной идентичности заключается, в том числе и в том, что она лишает человека одного из принципиальных стимулов его индивидуального развития: произвольной регуляции и отказа от сиюминутных удовольствий ради достижения перспективных целей. Произвольная регуляция имеет смысл, лишь, если существует представление о времени и жизненной перспективе.

Отдельный вариант кофигуративности свойственен постреволюционным ситуациям как некая «усталость от перемен». В этом случае необходимо всеми путями сохранить даже самую хрупкую и далеко не идеальную стабильность, лишь бы не допустить никаких социальных потрясений. В результате общество оказывается ввергнуто в состояние стагнации, которое долгое время благодарно принимается гражданами за период мирной, пусть не совсем богатой, но спокойной жизни. Проблема состоит в том, что, несмотря на все усилия, как власти, так и большинства народонаселения сохранить стабильность настоящего, кофигуративная модель выработанной ими идентификации имплицитно содержит в себе неминуемую ловушку. Внутренняя логика развития, так или иначе, порождает противоречия в иллюзорно незыблемом мире, и, казалось бы, несокрушимые политические режимы в мгновение сваливаются как колоссы на глиняных ногах. На наших глазах разрушались кофигуративные общества Ближнего востока, когда революции, например в Тунисе, были инспирированы накоплением в популяции лиц, недовольных возможностями самореализации в узких рамках ригидного общества, не готового предоставить им ожидаемого будущего.

Примеров крахов кофигуративных политических моделей можно привести немало (сейчас для этого надо просто включить новостной телеканал и дождаться репортажа об очередной жертве панарабской революции), но есть нечто общее что, их объединяет. Если проследить историю становления фактически любой власти кофигуративного типа, то мы обнаружим, что у ее истоков стоит другая векторная направленность – постфигуративная. Перед тем как превратиться в «патриархов» на закате своей осени, состарившиеся лидеры были когда-то революционерами, мечтающими не о сохранении завоеванного прошлого (или своих личных привилегиях), а о будущем благоденствии своих народов. Пребывание в состоянии вечных битв за будущее сменяется усталостью от перемен, в результате приходят времена стабильности, в которых бывшие революционные герои парадоксальным образом становятся правителями мира, верховными главнокомандующими и, в конечном счете, владельцами народных богатств. Классический пример «торжества кофигуративности» представляет собой брежневский застой, когда доживающая свои года партийная номенклатура всеми силами препятствовала любым попыткам разрешения назревших социальных проблем. Поучительна в этой связи история Кубы, где префигуративный огонь революции потух в очаге стабильной бедности кубинского народа, ведомого идеями неизменного Коменданто Кастро.

Кофигуративная идентификация несет в себе еще одну серьезную форму «социальной патологии», укрепляющей расщепление общества с точки зрения мотивации представителей разных слоев и образования «лакунарных» интересов. Предельно обостряя, это можно описать, как разделение общества на тех, кто «не хочет терять то, что у них есть», и на тех, «кому нечего терять» в наличной ситуации. Статусным или меркантильным интересам «тех, кому есть, что терять» соответствует стремление к сохранению статус-кво, которое они различными способами навязывают всему обществу, благо у них есть для этого разнообразные возможности. Обществу начинают транслировать утверждения о том, что перемены могут нарушить «хрупкое социальное равновесие», «коней на переправе не меняют», о бесценном опыте разного рода «политических тяжеловесов».

На нашей памяти произошла радикальная трансформация стремлений вчерашних революционеров к переменам, которых «требуют наши сердца», к стабильности любой ценой. Интуитивно или осознанно они понимают, что будущее – это всегда ящик Пандоры, который не стоит открывать. Они прекрасно понимают суть высказывания Дантона о том, что революция открывает сто тысяч вакансий. Но еще лучше они понимают, что эти вакансии могут открыться за счет их жизни – революция пожирает своих детей (П. Верньо), освобождая места для новых кандидатов в светлое будущее. На обыденном уровне это реализовалось в том, что, например, принятые в первые годы постсоветской России постановления и законы об ограничении сроков выборности, возрастных лимитах для занятия административных должностей оказались даже не отменены, а волшебным образом забыты. Достигнув вершины, любой человек хочет отменить или минимизировать возможности его эвакуации со своих высот. В этих лакунах идентификации возникает своеобразное чувство локтя, взаимная поддержка, тасуется одна и та же колода персоналий, ибо каждая фрагментарная культура должна обеспечивать ощущение защищенности своим рекрутам. В обществе возникает скрытое или явное противопоставление лакунарной идентичности, основанной на частных интересах и мотивации, и общенациональной и культурной идентичности, особенно когда последняя испытывает кризис. В предельном виде такой вариант кофигуративной идентификации выражен в словах, приписываемых маркизе де Помпадур: «После нас, хоть потоп!» Правда, можно напомнить о том, чем это все закончилось. Лакунарная кофигуративная идентичность, основанная на интересах, перекрывает социальные лифты не хуже, чем префигуративная, и, в этом смысле, будучи транспонирована в прошлое (сохранение уже созданного положения), она также создает новые классы, касты и страты, уже подчиняющиеся постфигуративным законам. Если даже она продолжает себя артикулировать как префигуративную, то будущее в этом случае часто оказывается скорее личным проектом улучшенного настоящего. Л. Шевцова в ходе анализа логики упадка постсоветской России в качестве одного из принципиальных факторов также отмечает нежелание изменения статус-кво правящими элитами, заботящимися о сохранении своего положения или опасающимися его

возможного ухудшения [12]. Но это нежелание следует рассматривать не как частный случай преследования интересов, а как необходимое следствие выбора модели кофигуративной идентификации.

Интересно, что именно кофигуративная модель оказывается наиболее уязвима для революционных изменений, возможно потому, что в отличие от префигуративной ее легитимация весьма зыбка. Для обыденного сознания более понятно, почему следует сохранять великое прошлое, тем более что его реально из никто ныне живущих и не видел, чем обосновать благо сохранения настоящего, дефекты которого каждый может лично ощутить.

На первый взгляд, наиболее простая ситуация возникает тогда, когда реперной точкой становится будущее. Здесь нет никаких проблем, оно открыто, в нем возможно все, нет никаких ограничений для фантазирования, с которыми сталкиваются сторонники обоснования собственного происхождения от мифических богов. Ориентация на модерн в широком, мировоззренческом смысле этого слова сопровождается обесцениванием прошлых эпох, все от памятников культуры до морали становится ненужным. Средневековье и возрождение достаточно легко относились к разрушению античного наследия, понимаемого как варварство и язычество: архитектурные памятники либо пребывали в забвении, либо разрушались для использования в качестве строительного материала. Современность или будущее в модернисткой идеологии всегда обладают неизменным приматом перед прошлым – так, в угоду идеальным планам, сначала ради утверждения силы и славы религии, а затем для реализации идеи прогресса бесстрастно уничтожались древние города. Префигуративная модель в своем идеальном воплощении всегда порождает деструктивное отношение к наследию «чуждого» прошлого.

Принципиальным роковым свойством модели идентичности, ориентированной только на будущее, является то, что по самой своей сути должно быть ее преимуществом – постоянная изменчивость, направленность на то «чего нет». Каждая последующая модель обладает преимуществом перед предыдущей, т.к. она является более новой, технологичной и совершенной. Нам кажется, что именно это имманентное свойство модели идентификации, ориентированной на будущее, делает ее принципиально уязвимой и не позволяет создать устойчивого контекста, необходимого для формирования реальной непротиворечивой, эффективной самоидентификации. Ее уязвимость локализуется в нескольких точках. Первая – по отношению к самому человеку. Если человек не равен самому себе и представляет собой только открытый проект возможного будущего, то возникает принципиальная и неразрешимая проблема его нереализуемости. Я не то, что есть, а то кем могу быть. Более того, отсутствие возможностей у настающего реализоваться в будущем, по сути если не обесценивает, то ставит под сомнение смысл прошлого. Подобный разворот безусловно открывает возможности для бесконечных изменений, но он не оставляет места для их фиксации и человек превращается в своеобразное «перекати-поле» (в худшем варианте – в манкурта), он не может и не должен

фиксироваться в какой либо точке, ведь она становится для него по сути моментом смерти. Будущее может существовать только в виде открытой формы, как еще не осуществленное. Обрести будущее – значит умереть.

Второе критическое свойство относится не к отдельному человеку, а к связи между человеком и предыдущими поколениями. Ориентация на будущее предполагает нивелирование и обесценивание всего того, что предшествовало данному человеку. Его единственная функция примерно такова, как у разгоняющего блока ракеты – вывести на орбиту и отпасть. Но если это так, то каждое поколение должно изобретать и обретать собственные формы идентичности в иллюзорном и никогда не наступающем будущем, превращаясь в самовоспроизводящуюся фикцию. Будущему, если его не уподоблять недостижимой Ахиллесом черепахе, тоже свойственно трансформироваться сначала в настоящее, а затем и в прошлое, приобретая вместе с этим и их ограничения. Если же оно рассматривается в качестве фантома, всегда находящегося за линией горизонта, то это рано или поздно начинает сказываться на привлекательности префигуративной модели, во всяком случае, в контексте временных ограничений человеческой жизни.

В рамках кофигуративной модели разрыв происходит внутри социума, в условиях префигуративной он начинает разделять поколения. Для молодежи отказ от префигуративной модели – это форма патологии мотивации, для пожилых людей – это нормальная форма динамической идентичности, если их префигуративная модель не начинает транспонироваться на детей и внуков. Процесс постоянного технологического обновления и ускорения смены образов, стилей, моделей мироощущения приводит к изменению самого понятия «поколение». Если в обществах постфигуративного типа понятие поколение можно было распространить на достаточно основательный период времени – перемен, отличающих отцов, дедов и прадедов практически не наблюдалось, в кофигуративной модели – поколение уже фактически совпадает со временем жизни человека, то в префигуративном типе культурной идентификации, наблюдается дробление его на фрагменты поколений в рамках периода человеческой жизни. Даже разница в 10 лет ввиду стремительного изменения информационного общества приводит к внутрипоколенческим разрывам. Так, рожденному в 70-х гг. прошлого века становится достаточно трудно найти общий язык с родившимися на пару десятков лет позднее – настолько меняется окружающая их культурная, технологическая, эстетическая среда

Кроме этого, префигуративная модель всегда абстрактна, и в этом она проигрывает в конкретности и вещественной очевидности постфигуративной или кофигуративной. На достаточно ограниченных отрезках времени префигуративная культурная и личностная идентификация способна организовать большие народные массы, которым обещается возможность из «ничего стать всем», но чем далее отодвигается реализация проекта всеобщего счастья, тем больше она теряет свою организующую силу. Мы помним (поколения XXI в. не помнят) обещания, что «нынешнее поколение советского народа будет жить при коммунизме», а каждая

семья «в отдельной квартире». Именно отсутствие реальных изменений приводит к разочарованию в префигуративной модели идентичности, вполне возможен вариант замены одной префигуративной модели на другую, когда например, строится коммунизм, а затем целью будущего становится «возвращение в будущее» к капитализму, и еще не факт, что это окончательно выбранное направление. Будущее, каким бы оно не было обетованным, всегда несет в себе ощущение несоразмерности с локализованным хронотопом человеческой жизни. «Жизнь, любовь, библиотеки будущего не имеют» [8, с. 537].

***

Три способа идентификации культуры, предложенные некогда М. Мид и интерпретированные нами в другом аспекте, остаются не более чем идеализированными моделями, но даже из абстрактного рассмотрения темпоральных векторов развития общества могут быть сделаны вполне конкретные выводы. Ни одна из пост-, ко- и пре- фигуративных моделей не может быть выбрана в качестве привилегированной. Любой обстоятельный анализ показывает, что у каждой из них свой «скелет в шкафу», вопрос остается только в его целостности и «жизнеспособности». Несмотря на гарантии устойчивости социального порядка, фундированного уходящими в века ценностями, ориентация на прошлое, как показывает история, всегда заканчивается полным уходом с исторической сцены традиционалистких цивилизаций – хотя следует отдать должное историческому факту – длительность жизни префигуративных культур превосходит другие. Каким бы не представлялось нам прошлое, мы уверены в том, что оно как минимум существовало, и в этом уже обретается залог некой точки отсчета. Что касается диаметрально противоположной ориентации – то выбор будущего в качестве образца, определяющего смысл настоящего и элиминирующего прошлое, влечет за собой не только внешний, но и внутренний разрыв в структуре идентичности. Будущее – достаточно эфемерная субстанция, оно просто может наступить (или не наступить) не в той форме, которую мы ожидаем, причем как объективно, так и субъективно, поэтому префигуративность имплицитно несет в себе экзистенциональный страх разочарования, потери реальной точки опоры. И, наконец, наиболее тревожная на наш взгляд, модель идентификации связана с самым, казалось бы, понятным и близким отрезком времени – настоящим. Что же в нем скрыто опасного? Ловушка внезапно обретенной здесь и сейчас «стабильной» идентичности вызывает оправданные желания всеми путями сохранить уровень «счастья», «свободы», «достатка», а главное «спокойствия». Речь уже не идет об основаниях благоденствия в прошлом – оно уже было признано несостоятельным и инкриминировано в угоду будущим переменам. Равно как и продолжение перемен становится не нужным – они могут разрушить устойчивость «прекрасного сегодня». Кофигуративный мир оказывается довольно привлекательным, но на деле призрачным, совсем неустойчивым во времени, хрупким, подобно «остановившемуся мгновенью», которое обречено находиться

между безжалостными жерновами прошлого и будущего, существование которых его апологеты отказываются признавать вплоть до своего фатального конца.

В современной действительности описанные идеальные типы фигур идентификации встречаются не часто, мы живем в мире мозаичного и порою парадоксального смешения фрагментов темпоральных модусов, из которых и складываются хитросплетения настоящего. Достижение соразмерности присутствия прошлого, настоящего и будущего в жизни, как индивида, так и общества в целом, пожалуй, лучший вариант избежать «метастазов ложной идентичности» в условиях такой неустойчивой современности.

Литература

1. Белинская Е.П. Конструирование идентификационных структур личности в ситуациях неопределенности // Трансформация идентификационных структур в современной России / под ред. Т.Г. Стефаненко. – М.: Московский общественный научный фонд, 2001.
2. Бержере Ж. Патопсихология. Психоаналитический подход. – М., 2008.
3. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. – М., 2000.
4. Гесиод. Теогония // Теогония. Труды и дни. Щит Геракла. – М., 2001.
5. Гончаров И.А. Обломов. – М., 1954.
6. Мид М. Культура и преемственность. Исследование конфликта между поколениями // Мид М. Культура и мир детства. – М., 1988.
7. Микляева А.В., Румянцева П.В. Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования. – СПб., 2008.
8. Набоков В. Ада или Радости страсти. – М., 1997.
9. Поцелуев С.М. Символические средства политической идентичности. К анализу постсоветских случаев // Трансформация идентификационных структур в современной России / под ред. Т.Г. Стефаненко. – М., 2001.
10. Стефаненко Т.Г. Изучение идентификационных процессов в психологии и смежных науках // Трансформация идентификационных структур в современной России // под ред. Т.Г. Стефаненко. – М., 2001.
11. Чехов А.П. Вишневый сад. Комедия в 4-х действиях // Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Т. 13. Пьесы (1895–1904). – М, 1986.
12. Шевцова Л. Россия: логика упадка // Новая газета, 12 сентября / 14 сентября 2011. http://www.carnegie.ru/publications/?fa=45563
13. Ядов В.А. Социальные трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ. – М, 2005.
14. Brubaker R., Cooper F. Beyond Identity // Theory and Society 29, 2000.
15. Busseri M. A., Choma B. L., Sadava S. W. Functional or fantasy? Examining the implications of subjective temporal perspective "trajectories" for life satisfaction // Personality and Social Psychology Bulletin. 2009, v. 35.
16. Cinnirella M. Exploring temporal aspects of social identity: The concept of possible social identities // European Journal of Social Psychology, 1998, v. 28.

17. Erikson E. Identity and the Life Cycle. Selected Papers. New York, 1959.
18. Karniol R., Ross M. The motivational impact of temporal focus: Thinking about the future and the past // Review of Psychology. 1996, v. 47.
19. Liberman N., Trope, Y. The role of feasibility and desirability considerations in near and distant future decisions: A test of temporal construal theory // Journal of Personality and Social Psychology, 1998, v. 75.
20. Peetz J., Wilson A. E., Strahan E. J. So far away: The role of ubjective temporal distance to future goals in motivation and behavior // Social Cognition, 2009, v. 27.
21. Pronin E., Ross L. Temporal differences in trait self-aspcription: When the self is seen as another // Journal of Personality and Social Psychology, 2006, v. 90.
22. Schwartz S. J., Luyckx K., Vignoles V. L. (editors) // Handbook of Identity: Theory and Research. New York 2011.
23. Trope Y., Liberman N. Temporal construal. Psychological Review, 2003, v. 110.
24. Twenge J., Campbell W. Age and birth cohort differences in self-esteem: A cross-temporal meta-analysis. Personality and Social Psychology Review, 2001, v. 5.